

Санкт-Петербургский государственный университет

Шептали́на Екатерина Андреевна

Метаязык лингвистики в обыденной речи

Выпускная квалификационная работа

направление подготовки 035700 «Лингвистика»

образовательная программа «Иностранные языки»

профиль «Английский язык»

Научный руководитель:

к.ф.н., доц. Кожокина А.В.

Рецензент:

к.ф.н., доц. Шадрина Н.А.

Санкт-Петербург

2017

Оглавление

Generating Table of Contents for Word Import ...

Введение

Несмотря на то, что в последнее время современное языкознание проявляет все больший интерес к человеку говорящему и к тому, как он отражается в языке, некоторые аспекты, связанные с антропоцентрической направленностью в лингвистике, остаются пока мало изученными.

К этому кругу вопросов относится проблема рефлексии обыденного, нелингвистического сознания над языком. С момента возникновения науки о языке сложилось мнение о том, что естественный язык является предметом изучения лингвистики и других смежных с ней дисциплин. Однако, как показывают исследования, язык как предмет размышлений привлекает внимание не только ученых-профессионалов, но и так называемых «наивных лингвистов» или языковых носителей-нелингвистов. Под «наивным лингвистом» — понимается носитель языка, который профессионально не связан с языком, но является лингвистом в силу того, что предметом его наблюдений является язык, речевая деятельность.

Объектом исследования данной выпускной квалификационной работы послужили разнообразные метаязыковые высказывания описательного и оценочного характера о языке и речевой деятельности, сделанные «наивными лингвистами» в обыденной речи

Предметом исследования стали особенности их употребления и выявление основных случаев, маркированных данными языковыми единицами.

Актуальность данного исследования заключается, во-первых, в том, что человек говорящий является центральной прагматической категорией

современного языкознания. Осознав, что понять и описать язык без человека говорящего невозможно, лингвисты в настоящий момент пытаются создать новую парадигму философии языка, характеризующуюся тем, что весь язык соотносится с субъектом, который его использует.

Во-вторых, актуальность данной темы определяется тем, что в данной работе, помимо сугубо лингвистической тематики затрагивается понятие «языкового сознания», которое может представлять определенный интерес философского и культурологического характера.

Целью настоящей выпускной квалификационной работы является изучение и упорядочение разнообразных средств описания метаязыкового характера, используемых говорящим в обыденной речи.

Обозначенная цель требует решения ряда частных *задач*:

1. Рассмотреть феномен языкового сознания как особый объект лингвистического исследования.
2. Дать структурное описание метаязыка «наивного лингвиста» относительно общелингвистических терминов.
3. Определить, что говорят о своем языке и речи носители языка, нелингвисты.
4. Описать языковые средства, с помощью которых они делают это.
5. Выявить эмоционально и стилистически окрашенные средства описания естественного языка.
6. Дать социолингвистическую характеристику высказываниям, описывающим речевую деятельность носителей-нелингвистов.
7. Определить роль территориального фактора в метаязыковых высказываниях «наивных лингвистов».

Теоретической основой нашего исследования послужили работы Н.М. Лебедевой и Н.Д. Арутюновой, которые считают, что содержание обыденного языкового сознания составляет коммуникативно-языковое и метаязыковое знание (знание о единицах языка, их значении и нормах

употребления и общие знания и суждения об устройстве языка) (Лебедева 2009:65, Арутюнова 2000:7). В обыденной речи не существует понятия «метаязык», потому что настоящая работа основывается на труде Н.Б. Гвишиани, который отмечает, что метаязык, будучи языком описания естественного языка, одновременно выступает и как часть естественного языка (Гвишиани 2008:154).

Методика настоящего исследования носит комплексный характер. В данной выпускной квалификационной работе были использованы различные методы стилистического и структурного анализа. Основным *методом научного анализа* является описательный метод, предполагающий систему научно-исследовательских приемов, применяемых для изучения социального функционирования языка, для описания и анализа элементов и частей работающего «языкового механизма». Описательный метод располагает рядом приемов лингвистического анализа, наиболее распространенными из которых являются приемы лингвистического наблюдения, лингвистического сравнения и упорядочение материала относительно элементов понятийного аппарата научной лингвистики.

В качестве источника фактического *материала* был использован электронный ресурс Британский национальный корпус¹.

Практическая значимость определяется возможностью использования результатов данного исследования в лекциях и спецкурсах по стилистике и культурологии, а также в процессе преподавания английского языка.

Объем и структура: настоящая выпускная квалификационная работа состоит из 57 страниц и включает в себя введение, две главы, снабженные выводами, заключение и список использованной литературы. В главе I проводится обзор общих теорий языкового мышления, метаязыка. В главе II проводится анализ исследуемого материала, определение их особенностей. В заключении подводятся общий итог исследований.

¹ [bnc] British National Corpus URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/>

Глава I. Антропоцентрический фактор в языке

1. Язык и человек, Говорящий как языковая личность

Язык и человек – старая и в то же время новая тема самой науки о языке. Бесспорен тот факт, что эти два понятия – «язык» и «человек» – взаимосвязаны, но в то же время каждая эпоха предлагала множества различных осмыслений взаимоотношений между человеком и языком. Характерной чертой языкознания XX века является его антропоцентрическая направленность: человек поставлен в центр лингвистических исследований как субъект языковой коммуникации, как языковая личность (Виноградов 1961, Сусов 1984, Караулов 2014).

Сегодня стало очевидным то, что язык является формой, способом жизнедеятельности человека, способом вербализации человеческого опыта и его сознания, способом выражения личности и организацией межличностных отношений в процессе совместной деятельности людей. В.В. Виноградов одним из первых ввел в лингвистику понятие личности, входившее ранее в концептуальный аппарат психологии, философии, социологии (Виноградов 1961).

Сегодня понятие «говорящий» довольно широко употребляется в разных лингвистических описаниях, однако, не является однозначным. А.И. Варшавская считает, что оно может иметь четыре разные интерпретации: Г1 – субъект речевой деятельности в целом, носитель языка; Г2 – говорящий как автор высказывания, текста; Г3 – говорящий как участник конкретного коммуникативного акта, противопоставляющий себя другим участникам; Г4 – субъект конкретного речевого действия, обозначен конкретным глаголом речевого действия (Варшавская 1992:23). Каждый из перечисленных аспектов тесно взаимодействует с другими аспектами,

неразрывно с ними связан и одновременно выступает в качестве самостоятельного объекта лингвистического исследования.

Анализ высказываний говорящего позволяет воссоздать его как языковую личность, которая представляет собой совокупность способностей и характеристик человека. Данные характеристики обуславливают создание и восприятие им речевых произведений, различающихся 1) степенью структурно-языковой сложности; 2) глубиной и точностью описания действительности; 3) определенной целевой направленностью (Караулов 1989:3).

Помимо этого, Ю.Н. Караулов считает, что любая языковая личность обладает вневременными (постоянными) и временными (изменчивыми) аспектами. Постоянный аспект языковой личности состоит из трех уровней: 1) вербально-семантический; 2) тезаурусный или когнитивный (т.е. базовая, неизменная часть картины мира языковой личности); 3) мотивационно-прагматический (здесь имеются в виду коммуникативные потребности и возможности языковой личности) (Караулов 2014:60).

Первый уровень, характерный для языковой личности, заключается в степени овладения языком в целом, в способности к созданию и воспроизведению текстов. Второй уровень проявляется в языковой картине мира, отражаемой текстом, или в когнитивной ценности этого текста. Третий уровень — те цели и задачи, которые преследует языковая личность, создавая текст.

Важную инвариантную часть в структуре языковой личности занимает национальное начало, связанное с национальным характером. Любая языковая личность является носителем национального языка. Он оказывает влияние на содержание уровней организации личности, так как языки по-разному отражают в лексике, грамматике реальный мир. Л. Витгенштейн считал, что границы языка человека являются границами его мира (Витгенштейн 1958:80). Эта идея о том, что люди в значительной мере находятся под влиянием языка того общества, в котором они живут,

разработана в учении Эд. Сепира и Б. Уорфа (Уорф 1960:135). Временный аспект личности составляют характеристики, легко подверженные изменению (например, психологические, физиологические, социальные и другие). Временные и вневременные аспекты языковой личности влияют на выбор стратегии дискурса, которую выбирает языковая личность для достижения цели коммуникации.

Таким образом, история изучения языковой личности в лингвистике обнаруживает давнюю историю изучения. Традиционно в структуре языковой личности выделяется три уровня: вербально-семантический, когнитивный и прагматический. Кроме того, языковая личность характеризуется тем, что обладает набором вневременных (постоянных) и временных (изменчивых) аспектов и наличием особого национального начала, которое оказывает влияние на содержание уровней организации личности.

В связи с постановкой таких важных вопросов, как социальная природа языка, связь языка и речи, языка и личности в языкознании возникает проблема языка и языкового сознания.

2. Язык и языковое сознание

Одним из тех, кто внес существенный вклад в развитие идеи языкового сознания, был В. Фон Гумбольдт. Он рассматривал данное понятие прежде всего как «способность сознания в определенной степени рефлексировать над адекватностью претворения мысли в слово». Языковое сознание по В. фон Гумбольдту – это «осознание возможностей языка в их устойчивости и соотнесение их с собственным творческим мышлением» (Гумбольдт 1984:401).

Современные лингвисты, рассуждающие на тему языкового сознания, склонны поддерживать идеи Гумбольдта, особенно когда речь идет об индивидуальной форме языкового сознания и рефлексии общества над развитием языка. Вместе с тем, нынешнее поколение философов ставит под сомнение существование прямой непосредственной связи между развитием сознания и мышления с одной стороны, и грамматических форм с другой стороны, ссылаясь на «представление об уровнях организации сознания, мышления и речи не только как превращенной форме образных и действенных обобщений, складывающихся в мышлении до языка и служащих в определенной мере его аффективно-когнитивной основой, но так же и превращенной форме культуры» (Портнов 1994:125).

Более основательный подход к проблеме языкового сознания предлагает Эд. Сепир. Продолжая тему влияния языка на человека, Э.Сепир указывает, что язык в непосредственном функционировании неотделим от опыта, и «не располагается параллельно ему, но тесно переплетается с ним» (Сепир 1993:228).

Обладая языковым сознанием, человек неразрывно связан с языком, владение которым проявляется в процессе речевой деятельности, которая, в свою очередь, переплетается с другими формами деятельности человека. К. Бюлер подчеркивал, что любое высказывание человека «стоит в одном ряду с поступками и само является поступком» (Бюлер 1993:53)

А.А. Леонтьев писал, что бытие, жизнь каждого человека складывается из совокупности или иерархии сменяющих друг друга деятельностей. Язык, как общественное явление, представлялся единством двух сторон: с одной – продуктом специфической, соответствующей ему деятельности, с другой – тем, в чем эта деятельность выражается, опредмечивается. (Леонтьев 1969:114). Если иметь в виду то, что в любой сфере деятельности, в том числе в речевой, человек выступает или мыслит себя прежде всего в качестве субъекта, исполнителя деятельности в отличие от предметного мира, мыслимого как объект, то язык является и объектом человеческой речевой деятельности, и орудием этой же деятельности.

Это положение представляется важным относительно исследования метаязыковых средств, использованных Говорящим при описании естественного языка. Кроме того, как уже говорилось, человек, владеющий языком, есть не просто субъект речевой деятельности, это – языковая личность, осознающая свою роль в языковом общении и способная оценивать себя и других в речевой деятельности, используя для этого самые разнообразные языковые средства. Важную инвариантную часть в структуре языковой личности занимает национальное начало, связанное с национальным характером.

Научный подход, который используется при изучении речи «наивной» языковой личности, подразумевает объективность обыденного фактора. Кроме того, воздействие, оказываемое на все сферы функционирования языка в сознании обычных носителей языка также должно быть объективным, вне зависимости от того, соответствуют ли представлениям научным представления «наивных» лингвистов о языке.

Н.Б. Лебедева подразделяет языковое сознание на 4 вида знаний, при этом каждое из этих знаний может быть осознанным и неосознанным:

1. «Знание языка» – это языковая компетенция, умение говорить и понимать. Предполагается, что личность способна говорить как на родном языке, полученным в дар от своих родителей («материнский язык»), так и на

неродном, приобретенным позже (второй язык). Что касается неосознанных знаний, то на этом уровне возможно спонтанное или интуитивное владение языком, или так называемое «чувство языка», которое включает в себя механизмы автоматизма и навыка (Лебедева 2009:61).

2. «Знания о языке» или лингвистическая компетенция пользователей языка. Важнейшая составляющая заключается в «спонтанных представлениях о языке и речевой деятельности, сложившихся в обыденном сознании человека» (Арутюнова 2000:7). Здесь подразумеваются метаязыковые знания носителей языка, которые имеют довольно туманные представления о лингвистических механизмах и потому в процессе коммуникации могут лишь непроизвольно оценивать речь как правильную или неправильную. (Лебедева 2009:63).

3. «Знания в языке» - знания, отраженные в языке, в его особенностях. К неосознаваемой сфере «знаний в языке» относится «языковая картина мира», «языковая категоризация», «образы языка, отраженные в самом языке» (Арутюнова 2000:7) как часть «образов мира, отраженных в языке» (Лебедева 2009:65). Знания в языке – это языковая картина мира, то есть отражение действительности в семантике языковых единиц.

4. «Знания на языке», в которые «включается вся информация, зафиксированная в текстах, устно или письменно созданных на данном языке, и непосредственно воспринятая слушателем или читателем», а также «различные размышления по поводу этой информации, в основном, профессиональные (стилистика, литературоведение и другие науки, которые основаны на анализе текстов)» (Лебедева 2009:65). Последний вид знаний есть совокупность языковых высказываний о действительности. Однако, согласно Н.Б. Лебедевой, не стоит включать этот тип знаний в собственно языковые.

Согласно представленной выше уровневой классификации знаний, на которую подразделяются языковое сознание, обыденное языковое сознание включает в себя:

1. знание языковых единиц и их значений (носители языка могут не знать некоторых единиц или не иметь правильные представления о семантике) – языковое знание;

2. знания о языковой технологии (употребление, языковые и стилистические нормы, сочетаемость языковых единиц, коммуникативные нормы, речевой этикет, правила создания текстов разных типов и жанров) – коммуникативно-языковое знание;

3. знания об устройстве языка (мнения и суждения о его сложности, богатстве, происхождении, развитии; энциклопедические сведения о языках и эмоциональная оценка различных языков) – метаязыковые знания.

В заключение данного раздела можно сделать вывод о том, что языковое сознание есть такая форма изучения языкового материала, при которой язык и речевая деятельность рассматривается как отражение ментальных представлений языкового сообщества, которые обычно не осознаются носителями языка. Языковое сознание предстает как результат коммуникативного опыта индивида, поскольку без коммуникации освоить язык невозможно. Кроме того, обыденное языковое сознание составляют значения слов, правила их сочетания и создания текстов, акустические и артикуляционные навыки, нормы и правила коммуникативного поведения. Помимо этого, в обыденное языковое сознание входят и рефлексивные знания о языке – т.е. мнения, суждения о языке и его особенностях.

3. Метаязык как средство описания обыденного языка

Понятие метаязыка вошло в науку в связи с работами известного немецкого математика Дэвида Гильберта (1862-1943) по созданию математической метатеории, в которой исследуется правомерность построения рассуждений в математике.

В лингвистике в связи с термином «метаязык» принято говорить об иерархии языков, когда один язык является объектом другого, стоящего иерархически выше языка, или метаязыка, на котором ведется разговор о высказываниях, сделанных на стоящем ниже языке – языке-объекте (Ахманова 1966, Налимов 1979, Гвишиани 2008).

Что касается языкознания, то здесь, в отличие от математики, мы говорим о метаязыке как о средстве описания естественного языка, а не формализованной системы. Лингвистический словарь дает следующее определение метаязыка: «Метаязык (от греч. meta- «через», «после») – это язык второго порядка, по отношению к которому естественный человеческий язык выступает в качестве «языка-объекта», то есть как предмет языковедческого исследования» (ЛЭС 1990:297).

Р. О. Якобсон, изучая функционирование языка в общей модели коммуникации, отметил, что «метаязык — это не только необходимый научный инструмент, который используют логики и лингвисты; он также играет важную роль в нашей повседневной речи» (Jakobson 1960: 356). Действительно, носители языка не только используют его для создания высказываний или их восприятия в процессе коммуникации, но и обращают в этом процессе внимание на сам язык, при этом используя тот же язык в метаязыковой функции. Одним из свойств носителя языка является возможность применять язык в метаречевой функции, которая предполагает некие метаязыковые рассуждения, наличие представлений и знаний о языке. Г. Хёнигсвальд для комплекса таких знаний и представлений предложил ввести понятие «народное языкознание» (folk linguistics) по аналогии с другими вне научными формами знания (такими как, например, «народная медицина»). Он полагал, что «народный взгляд на язык, народные

представления о языке являются частью социолингвистической ситуации и потому заслуживают самостоятельного изучения» (Hoenigswald 1966). Подобные элементы языковой рефлексии назывались «наивной лингвистикой». Во всех случаях подразумеваются «спонтанные представления о языке и речевой деятельности, существующие в обыденном сознании человека и зафиксированные в значении металингвистических терминов» (Арутюнова 2000: 7).

Характерной особенностью метаязыка лингвистики является то, что описание естественного языка ведется средствами самого языка. Таким образом, такая крепкая связь между языком-объектом и языком его описания вследствие тождественности их материального выражения, общности материальный основ, делает непростой задачу четкого разграничения этих двух сущностей. Для этой цели, требовалось бы изобрести такой метаязык, который функционировал бы на основе совершенно особой системы обозначений. Подобные попытки неоднократно принимались в отечественной лингвистике, но ни одна из них, по утверждению О.С. Ахмановой, еще «не привела к созданию развитого или законченного метаязыка и даже если предположить, что новая метатеоретическая система была создана, потребовался бы очень долгий срок для того, чтобы она сделалась действующим средством лингвистического общения». (Ахманова 1966:4).

Когда лингвисты говорят о языке как о самобытной семиологической системе единиц и правил их построения, прежде всего имеется в виду то, что эта система является важнейшим средством общения людей. Метаязык, используемый в случаях, когда речь идет о языке же, имеет в качестве своей основы естественный человеческий язык, обладающий определенными национальными особенностями. Поэтому метаязык оказывается обусловленным, связанным с индивидуальной спецификой конкретных знаков. При этом богатство национальных языков обуславливает поистине

неисчерпаемые возможности, которые открываются для возникновения все новых средств описания и построения метаязыка.

Кажущееся противоречие, возникающее в ситуации, когда естественный язык выступает как бы в двух ипостасях – на нем формулируются некоторые высказывания и на нем же ведется обсуждение правомерности этих высказываний – исчезает, если, приняв во внимание факт консубстанциональности естественного, человеческого языка и метаязыка лингвистики, помнить, что высказывания о правомерности суждений относятся к языку уже другого порядка, для которого анализируемые суждения являются высказываниями, сделанными на языке-объекте.

Исследуя английские лингвистические термины, Н.Б. Гвишиани констатирует, что метаязык – это «язык о языке». Языковед отмечает особенность метаязыка языкознания: «в основном он строится на базе тех же единиц, что и язык-объект, т.е. имеет с ним единую (тождественную) субстанцию, является «консубстанциональным» с языком-объектом». Иными словами, метаязык, являясь языком, используемым для описания естественного языка, в то же время выступает и как часть естественного языка» (Гвишиани 2008:154).

Одно из отличий между языком-объектом и метаязыком, как считает Е.А. Барляева, заключается в том, «кто и с какой целью пользуется этими языками» (Барляева 1993:129). Как уже отмечалось выше, человек (включая и профессионального лингвиста, и человека, таковым не являющегося) будучи не просто субъектом речевой деятельности, но и языковой личностью, осознающей свою роль в языковом общении, способен к рефлексии над языком и речью. И пользуется он в своих рассуждениях не чем иным, как метаязыком.

Именно способность нелингвистов, простых носителей языка, размышлять над речью окружающих, а также над своей собственной речью позволила говорить о наличии своеобразного метаязыка обыденной речи. Строго говоря, понятия «метаязык» в обыденной речи не существует. В

данной работе этот лингвистический термин необходим для того, чтобы описать и систематизировать то, что говорят «наивные» лингвисты о живом языке в обыденной речи.

В лингвистике говорят о прагматике метаязыкового общения, рассматривающей единицы метаязыка в их отношении к тем, кто пользуется этим языком. Рассматривая метаязык лингвистики, следует отметить, что в этой сфере возможные различия минимальны, поскольку научное метаязыковое общение возможно только между людьми одной профессии, определенного уровня образования, подготовки. Однако в сфере метаязыка обыденной речи, когда о языке рассуждают не лингвисты, а обычные люди – носители родного языка, каждый участник метаязыкового дискурса может претендовать на исчерпывающее знание предмета, индивидуальность своего языкового сознания, самобытность своего особого авторского стиля. Именно поэтому выявление цельнооформленных мета диалектов крайне затруднительно, хотя некоторые общие аспекты социолингвистики и территориальные особенности находят свое отражение в метаязыке «наивных лингвистов» и будут рассмотрены далее в практической главе данного исследования.

Подводя итог, необходимо отметить, что метаязык характеризуется консубстанциональностью естественного языка и языка его описания, поскольку носители языка в процессе общения часто обращают свое внимание на сам язык, употребляя при этом родной язык в метаязыковой функции. Кроме того, метаязык не может быть оторван от использующего его субъекта и в целом характеризует мировоззрение носителя языка, т.е. систему его представлений об окружающем мире.

4. Ситуация общения и условия успешной коммуникации в свете теории речевых актов

В современной лингвистике не без оснований считается, что исследование языковых проблем невозможно без обращения к функциональным аспектам языка, к практике языкового общения, в процессе которого языковые единицы приобретают конкретную значимость. Рассмотрение такого понятия как «ситуация общения» и других связанных с ним понятий, принадлежащих ведению прагматики, важно для исследовательских задач данной работы, поскольку, во-первых, этого требует антропоориентированная направленность настоящего исследования, во-вторых, как показывают наблюдения, нелингвисты описывают и оценивают свою и чужую речевую деятельность именно в контексте реальной ситуации общения посредством речевых действий, в-третьих, с ситуацией общения непосредственно связан смысл высказывания, его понимание и оценка обыденным сознанием, что в свою очередь, находит отражение в метаязыковых выражениях «наивного лингвиста».

О. Есперсен писал, что речевая деятельность «состоит из совокупности речевых действий или актов, совершаемых в рамках ситуации общения, включающей в себя ряд условий, дающих возможность осуществления языковой коммуникации» (Есперсен 1958:15).

Говоря о ситуации общения, традиционно в лингвистике различают два вида ситуаций: ситуации, составляющие содержание предложения или высказывания, как языкового образования (семантическая ситуация), и ситуации, в которых осуществляются высказывания, или речевые акты (коммуникативная ситуация). Несмотря на свою автономность, эти два вида ситуаций находятся в отношениях взаимодействия и взаимовлияния, что признается рядом ученых (Звегинцев 1996; Хомякова 1992).

Для того чтобы оценить языковые категории на основе выполняемых ими коммуникативных функций в заданной коммуникативной ситуации, настоящее время наиболее часто используется теория речевых актов, где

минимальной единицей языкового общения выступает речевой акт, который реализует некое коммуникативное намерение говорящего. Одна из главных особенностей теории речевых актов заключается в ее подходе к речевому акту. Речевой акт есть способ достижения человеком определенной цели, и потому используемые языковые средства необходимо рассматривать именно с этой точки зрения.

Как известно, основателем теории речевых актов считается английский лингвист Дж. Остин. Выполнить речевой акт, по Остину, значит – произнести членораздельно звуки, которые принадлежат общепринятому языковому коду, создать высказывание из единиц данного языка по правилам его грамматики, наделить высказывание смыслом и референцией, т.е. соотнести его с действительностью.

В обыденной речи речевая деятельность может описываться «наивным лингвистом» с точки зрения ее локутивности — осуществления речения (locution), иллокутивности — выражения цели коммуникации (illocutionary act), и перлокутивности — воздействия на сознание или поведение собеседника (perlocution). В локутивном акте Дж. Остин выделяет три аспекта - фонетический, который заключается в произнесении определенных звуков; фатический — произнесение определенных единиц, которые принадлежат данному словарю и выступают в составе конкретной конструкции; ретический — наличие у высказывания определенного смысла и референции (Остин 1999:22–129).

И.М. Кобозева, описывая теорию речевых со стороны ее общетипологических черт, характеризует ее как «логико-философское по исходным интересам и лингвистическое по результатам учение о том, из чего состоит элементарная единица речевого общения – речевой акт, который понимается как способ актуализации предложения» (Кобозева 1986:12). Для того чтобы эти отношения были успешными, Г. Грайс выдвинул так называемый «принцип кооперации» и обосновал постулаты (максимы) количества, качества, отношения (релевантности) и способа (способа

выражения), которые призваны способствовать успешной коммуникации. (Grice 1975:45-46). Речевой акт, в процессе которого создается высказывание, строится на основе средств, предоставляемых человеку языком, и, как правило, направлен на донесение некоего содержания до слушающего. При этом, говорящему необходимо построить высказывание таким образом, чтобы слушающий мог понять его, а для этого слушающему необходимо обладать той же совокупностью знаний, какой обладает говорящий (Звегинцев 1996:184). Кроме того, для успешного общения основным требованием является необходимость коммуникантов ориентироваться на взаимное понимание, считает О.В. Емельянова (Емельянова 1992:98).

«Наивные лингвисты», вероятно интуитивно, так или иначе осознают правила осуществления речевой коммуникации, одобряют их соблюдение и не приветствуют их нарушение или игнорирование в обыденной речи.

Учитывая широкое многообразие терминов, обозначающих обыденную речь (русс.: разговорная, неcodифицированная, обиходно-разговорная, народно-разговорная речь, разговорно-бытовая разновидность, неcodонизированная форма языка; англ.: informal, colloquial, realistic, authentic English, spoken, everyday language/variety; casual speech, ordinary conversational discourse) под обыденной речью в данной работе следует понимать унифицированный термин, отражающий феномен разговорной речи в широком его понимании и характеризующий ее как повседневную, непринужденную, неподготовленную (спонтанную).

Как уже упоминалось ранее, под «наивными лингвистами» понимаются носители языка, которые профессионально не связаны с языком, но которые все же являются лингвистами в силу того, что часто предметом их наблюдений является язык, речевая деятельность.

Метаязыковые выражения «наивного лингвиста», соотносимые с локуцией (по Остину), могут быть так же описаны в терминах уровневого описания речи, предложенных Эд. Сепиром: голос, голосовая динамика (интонация, ритм речи, плавность речи, темп речи), произношение (Сепир

1993:258-297). Несмотря на то, что теория речевых актов как самостоятельное учение возникло гораздо позже разработанной Эд. Сепиром уровневой системы речи, в настоящей работе мы считаем возможным объединить эти два подхода в силу их взаимодополняемости и использовать в качестве метода научного анализа.

Исходя из всего вышеизложенного, можно сделать вывод, что для успешной коммуникации «наивному лингвисту» необходимо обладать теми же знаниями, какими обладает его собеседник, и ориентироваться на взаимное понимание. Что касается критериев оценки локутивного акта или процесса говорения в «наивной» лингвистике, то они являются результатом размышлений человека над языком и включают три момента, так или иначе выделяемые Дж. Остином и Эд. Сепиром — голос, голосовая динамика – а именно: интонация, ритм речи, плавность речи, темп речи, – и произношение.

1.5. Социальная природа языка в контексте теории ролей и диалектного варьирования

Одной из выдающихся особенностей языкознания XX века является интерес к естественному языку как явлению социальному. Лингвистические исследования, изучающие зависимость между явлениями языковыми и

социальными велись с начала XX века в Европе и России. Известный отечественный исследователь И.А. Бодуэн де Куртенэ писал, что поскольку «язык возможен лишь в человеческом обществе, то, кроме психической стороны, следует отмечать в нем всегда сторону социальную. Основанием языковедения должна служить не только индивидуальная психология, но и социология».

С тех пор исследование социальной природы языка продвинулось настолько, что сегодня различаются две практически самостоятельные дисциплины как части науки о языке – структурная лингвистика и социальная лингвистика. Первая изучает функционирование и развитие внутренних структур языка как особой системы; вторая изучает формы существования языка в рамках социума, общественные функции языка и его зависимость от социальных процессов.

В настоящей работе обращение к проблемам социолингвистики напрямую связано со спецификой рассматриваемой темы – описание речевой деятельности «наивным лингвистом». Введенный в научной работе термин «наивный лингвист» – любой человек, выносящий суждение или просто описывающий свою или чужую речь, не будучи в этом профессионалом, – является обобщающим. Данный термин объединяет людей разной социальной среды, возраста, пола, профессии, рода занятий, носителей разных территориальных диалектов и представителей различных взглядов на систему человеческих ценностей. Рассмотрение метаязыка «наивного лингвиста», а также роли и места социолингвистического фактора в метаописаниях непрофессионального характера, без учета перечисленных дифференциаций было бы упрощением достаточно сложной в своей совокупности проблемы. Поэтому, исходя из вышесказанного, кажется необходимым упомянуть основополагающие аспекты социологического направления в языке.

Интерес лингвистов к социальной природе языка впервые появился во Франции, во французской социологической школе, созданной А. Мейе и его

учениками. Их достижение заключалось в том, что они были первыми, кто ввел в науку социальный аспект изучения языка, посчитав его существенным и необходимым.

Большой вклад в развитие социальной лингвистики внесла разработанная Пражской лингвистической школой теория литературного языка (Вахек 1964, Едличка 1967). В теории отражено совершенно новое, иное понимание литературного языка в качестве формы языка, появившейся в результате определённых общественных потребностей.

Большой интерес к социологическим исследованиям в сфере языка возникает и в американском языкознании. В социолингвистике США условно можно выделить два направления. Одно из них представлено работами У. Лабова, написавшего монографию о социальной стратификации английского языка в Нью-Йорке. Он сосредоточился на выявлении и изучении реальной ситуации повседневного речевого общения. Кроме того, У. Лабов пытался охарактеризовать социальную вариативность речи, основываясь на собранном фактическом материале (Labov 1966, Лабов 1975).

Другой лингвист, Дж. Гамперц в качестве исходных теоретических постулатов выдвигает теорию малых групп, теорию социального взаимодействия и теорию ролей, которую выдвинул современная американская социология и социальная психология (Gumperz 1968, Гамперц 1975). Согласно Дж. Гамперцу, различаются две формы языковой дистрибуции – диалектное (межличностное) варьирование, происходящее между группами, которые различаются социально или территориально; и наслаивающееся или внутриличностное варьирование, определяющееся коммуникативной ситуацией. Внутриличностное варьирование выражается в переходе одного и того же говорящего от диалекта к литературному языку в зависимости от ситуации общения. Из этого следует, что такой говорящий обладает разными социальными и функциональными стилями внутри данного языкового сообщества.

Исходя из вышеизложенного следует, что для Дж. Гамперца язык или диалект является не единым целым, а системой взаимосвязанных подсистем. Такие подсистемы, будучи определённым языковым кодом характеризуют не только микросоциальные группы (такие как друзья, родственники, сослуживцы, одноклассники.), но и отдельно взятых личностей, которые выступают в общественной системе в определенной роли, например, врач или учитель. Каждая роль обладает особым речевым кодом или субкодом, который как бы заранее определяет речевое поведение его носителя (Гамперц 1975:182-198).

Возвращаясь к разговору о направлениях, выделяемых в американской социалингвистике, следует отметить Д. Хаймса, который является ярким представителем этнографического направления, согласно Д. Хаймсу, для теоретической и практической социалингвистики особенно важными являются два аспекта: понимание относительно языка, то есть его социальная обусловленность, и попытка обоснования необходимости разработки нового лингвистического аспекта – этнографии речи (Hymes 1968, Хаймс 1975). Д. Хаймс считает, что описывая диалект, язык или стиль, описания естественных возможностей коммуникации и формальных языковых признаков не достаточно. Следует также принять во внимание социокультурное измерение, определяющее тип и модель языкового употребления и характеризующее познавательную и эмоциональную функцию языка как социального явления. Поэтому, кроме грамматики, призванной описывать структуру языка, по мнению Д. Хаймса, необходимо создать этнографию речи, которая станет недостающим звеном между формально-грамматическим обращением к языку и этнографическим описанием культуры человека, говорящего на языке данного коллектива (Хаймс 1975: 42-96).

Приведенный обзор социологического языкознания в XX веке свидетельствует о том, что независимо от наблюдаемых философских расхождений и различий в тематике исследований, в развитии социальной

лингвистики всех стран имеется некий параллелизм, говорящий о том, что существует определённое единство в разработке данного аспекта языкознания. В рамках социолингвистики традиционно различаются территориальные и социальные аспекты (Бродович 1988). Само слово диалект (с греческого «разговор, говор») означает местные речевые особенности одного языка, распространённые на большой территории. Именно поэтому, степень отличия диалектов или говоров друг от друга зависит от того, насколько сильно носители этого языка территориально удалены друг от друга. Нередко в речи жителей смежных или пограничных районов можно наблюдать общие признаки, характерные для обоих диалектов.

Что касается английского языка, то на уровне наивной лингвистики в нем четко различаются, по меньшей мере, два варианта или национальных диалекта (термин «национальный диалект» заимствован у С. Гринбаума (Гринбаум, Уиткат 1990): американский (American English) и британский (British English). Австралийский и канадский варианты или диалекты являются трудно различаемыми, что соответствует спорам в научной лингвистике по поводу того, включать ли канадский вариант в американской национальный диалект, а также о том, правомерно ли относить австралийский английский к кокни — одному из самых известных лондонских говоров, характерному средним и низшим слоям населения. (Шахбагова 1982).

Подводя итог, можно отметить, что при анализе метаречевых высказываний «наивных лингвистов» необходимо учитывать социокультурное измерение, определяющее употребление языка и социально его характеризующее, а также территориальные и социальные аспекты носителей языка. В зависимости от определенной социальной роли личности в коммуникативной системе следует говорить о языке как о наборе взаимосвязанных ролевых подсистем, где каждая роль характеризуется

наличием определенного речевого кода или субкода, который изначально предопределяет речевое поведение его носителя.

Выводы по главе I

Современное языкознание, убедившись в том, что изучение языка без учета человеческого фактора невозможно, пришло к выводу о том, что язык является формой, способом жизнедеятельности человека, способом вербализации человеческого опыта и его сознания, способом выражения личности и организацией межличностных отношений в процессе совместной деятельности людей. В результате рассмотрения структуры языковой личности было выявлено три уровня: вербально-семантический,

когнитивный и прагматический; ряд постоянных и изменчивых аспектов, характеризующих языковую личность.

Являясь носителем языкового сознания, где языковое сознание есть способность осознавать возможности языка и соотносить их с собственным творческим мышлением, и будучи языковой личностью, Говорящий способен к рефлексии над своим языком и речевой деятельностью в целом. Критерии оценки высказывания в «наивной» лингвистике исходят из размышлений над языком и включают три момента – голос, голосовую динамику (интонацию, ритм, плавность и темп речи) и произношение.

Именно рефлексия человека над языком не только в рамках научного контекста, но и в повседневной жизни позволила выделить категорию «наивный лингвист» и говорить о существовании метаязыка обыденной речи – высказываний, сделанных «наивным лингвистом» о языке и речи. Метаязык характеризуется консубстанциональностью естественного языка и языка его описания, не может быть оторван от использующего его субъекта и в целом характеризует мировоззрение носителя языка, т.е. систему его представлений об окружающем мире.

Успешная коммуникация предполагает, что «наивный лингвист» обладает теми же знаниями, что и его собеседник; что носитель языка строит свою речь в соответствии с правилами коммуникативного общения и использует ее для достижения конкретных целей.

Глава II. Предмет и средства метаязыка «наивного лингвиста»

2.1. Высказывания «наивного лингвиста» о языке в свете теории речевых актов

Обращение к теории речевых актов (ТРА) в данной работе не случайно. В рамках заданной проблематики – описание «наивным лингвистом» речевой деятельности – ТРА позволяет нам решить несколько задач. Во-первых, ТРА помогает нам упорядочить сам предмет описания «наивного лингвиста», во-вторых, выступает способом описания этого предмета. В данном разделе основное внимание будет уделяться локутивному акту и его структуре, поскольку именно он занимает значительное место в метаязыковых описаниях «наивного лингвиста».

В целях настоящего исследования мы выделяем три параметра оценки метаязыковых выражений «наивного лингвиста», соотносимые с локуцией (по Остину), и которые также могут быть так же описаны терминами уровневого описания речи, предложенными Эд. Сепиром, а именно: 1) голос, 2) голосовая динамика, включающая такие факторы, как интонация, ритм, относительная плавность\гладкость речи и темп; 3) произношение (акцент). Рассмотрим высказывания «наивного лингвиста» о языке согласно этим трем параметрам.

Как уже говорилось, первое, на что обращает внимание «наивный лингвист», это голос. По Сепиру, голос является низшим уровнем речи, поскольку он стоит ближе всего к наследственному достоянию индивида и несет в себе черты психофизической организации, данной человеку с рождения. Бесконечное разнообразие голосов отражается в обилии их характеристик. В обыденной речи говорят о грубом (hoarse) голосе, высоком (high-pitched), монотонном или бесцветном голосе (flat), глубоком или грудном (deep), мягком (gentle), скрипучем (scraggy), резком (harsh) или даже интеллигентном (cultured). Голос могут сравнивать с мелодией, музыкой, сталью, льдом. Он может быть настолько высоким и глупым, что его можно даже сравнить с рекламой моющего средства:

(1) *Flora went on: "We may be very liberated and all that but...Oh — I must ask my husband". She put on a high-pitched imbecile voice like a detergent or wash-up liquid ad.*

Одним из наиболее важных аспектов голосовой динамики является интонация, где присутствуют два элемента – социальный и индивидуальный. Социальный элемент включает в себя общий набор интонаций, необходимых для реализации речи. Для каждого языка существует свой интонационный стереотип. «Наивный лингвист» не оставляет без внимания интонационный аспект голосовой динамики, особенно в тех случаях, когда языковой стереотип говорящего выходит за рамки языкового стереотипа слушающего:

(2) *...One can murmur English with a German intonation and cause a distant listener to believe he is listening to unintelligible German.*

Из примера следует, что английская речь без характерного ей интонационного рисунка может быть легко спутана с неразборчивой речью на языке, с интонацией которого ее произносили. Так, в данном примере говорящий отмечает, что произнесение высказывания на английском языке с интонацией, присущей немецкому языку, может заставить стороннего слушателя подумать, что высказывание было произнесено на нечетком немецком языке.

Кроме стереотипных интонаций, характерных для определенного языка, «наивный лингвист» так же может вычленять индивидуальные характеристики интонационных навыков личности:

(3) *They speak courteously, but in a strangely mechanical way, with a flat intonation.*

В данном примере от слушателя не ускользнуло, что, вопреки стараниям говорящих звучать вежливо (*speak courteously*), их речь была неестественной, безжизненной (*a strangely mechanical way, with a flat intonation*). Это помогло «наивному лингвисту» уловить их истинное настроение и, возможно, то, что они пытались скрыть свою незаинтересованность в беседе.

Осознавая роль голосовых интерпретаций, «наивный лингвист» может сознательно моделировать свой голос в определенном интонационном диапазоне, действуя либо в своих интересах, либо в интересах собеседника. В

примере (4) героиня пытается скрыть свои чувства – а именно то чувство радости, которое ей доставляет месть за себя и другого человека:

(4) *Secret laughter bubbled up inside her. But when she spoke she was careful to keep her voice flat and monotonous to disguise the exhilaration she felt in taking revenge, for herself and for Bella.*

Следует отметить, что порой бывает трудно разграничить в высказываниях «наивного» лингвиста собственно голос и голосовую динамику, в частности, интонацию. Нередко в описании процесса говорения «наивный лингвист» называет голосом то, что в научной лингвистике принято называть интонацией. Так, в примере (4), пытаясь напустить на себя показное равнодушие, героиня намеренно придает своему голосу равнодушное, бесстрастное звучание (to keep her voice flat and monotonous) и делает это именно с помощью соответствующей интонации.

В примере (5) героиня замечает, что под натиском эмоций голос подводит ее и звучит мягче (her voice was softening), чем следует в серьезной ситуации, и потому она сознательно делает голос более твердым, покровительным (firmed it up):

(5) *'I concede to your superior knowledge, Sister,' he murmured. Oh, that voice! 'Good,' she said, and was disgusted to notice that her voice was softening. She firmed it up.*

Помимо интонации, во время наблюдения за речью говорящих вокруг людей, «наивный лингвист» обращает внимание на ритм речи, относительную плавность/гладкость речи, ее темп – элементы, которое в научной лингвистике входят в понятие голосовой динамики.

Например, если ритм речи говорящего выходит за рамки ритмических характеристик данного языка или не соответствует ритмическому стереотипу слушающего, то последний это заметит и не замедлит так или иначе оценить, хотя и зачастую про себя.

(6) *Еb leaned forward, lowering his voice. Between every phrase, his lungs wheezed like broken bellows.*

В данном примере слушающему кажется, что вдохи, который говорящий делает между фразами, похожи на звуки, которые издают сломанные кузнечные меха.

Иногда изменения в речи говорящего позволяют оценить не только его манеру общения, но и его самого.

(7) *They were all smoking, observed Jannie, but John, as she saw when the camera finally settled on him, was smoking more than most. He was smoking and talking simultaneously, taking little melodramatic puffs between phrases. 'If I might butt in here,' he was saying (puff). 'If I might possibly butt in a moment... (Puff, puff) I should just like to say that I find what Lord Boddy is saying extraordinarily interesting. Extraordinarily interesting.' He took another energetic puff <...> 'Indeed!' he kept murmuring. 'Indeed, indeed!' — 'Why is he behaving like this?' cried Jannie. 'Why is he smoking, and waving his arms about in that awful way? <...> ...why does he keep saying things like 'extraordinarily interesting' and 'indeed, indeed'? I've never heard him say anything like that before. I've never heard him say 'indeed, indeed'.*

В данном примере приведена ситуация, в котором поведение героя меняется, когда он обнаруживает, что находится под прицелом камеры – он начинает чрезмерно курить и вести себя неестественно и картинно, добавляет своей речи театральности – употребляет слова, обычно не встречающиеся в его речи (*extraordinarily interesting*), повторяет слова (*indeed, indeed*). Все это замечает героиня, которая хорошо знает говорящего. Она считает его поведение ужасным (*in that awful way*) и негодует, не понимая, зачем эти изменения в его поведении и речи, которых до этого она никогда не видела и не слышала (*never heard him say anything like that before*).

(8) *Her voice, though barely above a whisper, was clear 'Abortion is murder.' 'I was fourteen — too young — the doctor agreed. It felt nothing. Nothing.' It was necessary to keep on repeating this. The words went around in circles like a hoop being bowled down a corridor — <...>. The accusing voice was changing, assuming a different timbre, resonant with menace. 'But who?' she screamed. 'Who?'*

Пример (8) иллюстрирует как в разговоре об аборте, голос собеседницы героини меняется – из почти тихого шепота (*barely above a whisper*) он становится угрожающим. Тембр ее голоса совершенно меняется (*different timbre, resonant with menace*), поскольку она не может принять и оправдать совершенное героиней убийство нерождённого ребенка и потому даже не

пытается сдержать угрозы в голосе в адрес героини, которая совершила столь тяжкий грех.

Иногда, несмотря на критическую ситуацию говорящему усилением воли удается контролировать манеру произнесения и выдержать ровную интонацию, даже будучи вестником плохих новостей:

(9) *'My lords, save yourselves, there is nothing any man can do there' said Thorfinn. He put all the skills he had ever learned into the timbre of his voice. The man drew a long breath and spoke clearly. 'My lord, the kingdom is lost.'*

В выше приводимом примере герою выпадает нелегкая участь сообщить своему хозяину о том, что королевство пало — поэтому он прикладывает все усилия, чтобы его голос звучал ясно, даже несмотря на сложившуюся ситуацию.

Иногда, конкретный тембр голоса может быть присущ определенному социальному классу. Рассмотрим пример:

(10) *She gave Kate a quick appraising glance and a nod which could have been acknowledgement or approval and said: 'Please sit down. <...>' The voice, with its timbre of upper-class arrogance, an arrogance of which its owner so often seems unaware, was exactly as he would have expected. It seemed artificially produced, as if in an attempt to control any quavering she had had to gather both breath and energy to produce the measured cadences. But it was still a beautiful voice.*

В данном примере от внимательного слушателя не ускользает, что в голосе героини звучали высокомерные нотки, что считается характерным для людей высшего общества, которые порой, кажется и не осознают своей надменности. Кроме того, героиня делала все, чтобы скрыть дрожь, и потому голос казался искусственным (*seemed artificially produced*). Однако, все это не помешало «наивному лингвисту» признать, что несмотря на всю надменность и искусственность собеседницы, ее голос все же был красив.

Третий параметр анализа речи – это произношение. Здесь опять можно говорить о голосе, тогда как на самом деле имеются в виду особенности произношения, что вполне естественно для «наивного лингвиста» или не лингвиста, поскольку задача четкого разграничения этих характеристик непростая и требует профессиональных знаний о языке.

Как утверждают сами англичане — например, британские фонетисты Дэвид Аберкромби, Альфред Гимсон и лексикограф Роберт Берчфилд, вопрос произношения для них особенно важен, поскольку в нем отражается вся иерархия общества по национальному, региональному, социальному признаку (D. Abercrombie 1991, A.C. Gimson 1991, R. Burchfield 1991).

Как правило, каждый тип произношения так или иначе маркирован. «Наивный лингвист», зная произносительные нормы своего языка, по произношению собеседника может судить о том, кто перед ним: иностранец, уроженец той или иной области родной страны:

(11) *The other man was certainly foreign, but he spoke excellent English, in a tone devoid of all expression.*

(12) *His Irish accent was still thick even though he had left Ireland over forty years previously.*

(13) *His voice was low, the deep tones carrying only the faintest hint of a Scottish accent that time and distance had helped him to shed.*

В примере (11) от слушающего не ускользнул тот факт, что несмотря на идеальное английское произношение, говорящий был иностранец. В примерах (12, 13) можно видеть, что несмотря на то, что в обоих случаях говорящие давно покинули свою родную землю, ирландский акцент говорящего (пример 12) явен и хорошо различим «наивному лингвисту», в то время как от шотландского акцента говорящего остался лишь намек (пример 13).

Манера произношения может быть не только натуральной, усвоенной с рождения, но и фальшивой, имитированной.

(14) *'And from the start I thought your accent was a bit phoney. I know a lot of people who come from Glasgow.' 'Yes.' There was a pause. Then Charles continued, still in his discredited Glaswegian.*

В данном примере герой оказался способным различить фальшивый акцент, в чем и уличает собеседника. Он отметил, что акцент говорящего с самого начала показался ему поддельным. И хотя собеседник признал, что не является коренным жителем города Глазго, однако все же продолжил говорить с фальшивым акцентом (continued in his discredited Glaswegian).

Английский язык, как, возможно, ни один другой язык, может помочь «наивному лингвисту» сделать вывод не только о происхождении собеседника, но и о его социальном статусе и образовании.

(15) *The man, she had noticed, had a London accent, like the van people. Another outsider.*

В данном примере героиня замечает у мужчины лондонский акцент, свойственный людям малообразованным, не занимающим высокую должность – рабочим, например, водителям грузовиков (*like the van people*), и потому она заключает, что он очередной чужак, не принадлежащий к той же социальной группе, что и она.

Однако, если человек обладает нормативным произношением, которое в Британии можно получить лишь в частных школах, «наивный лингвист» практически уверен, что социальное положение говорящего довольно высоко.

(16) *He speaks with a public school accent and looks every inch the business executive he, of course, is.*

В данном примере иллюстрируется ситуация, когда акцент человека и его внешний вид не оставляют в герое никаких сомнений что их обладатель занимает высокое положение руководителя, хотя, возможно, никаких точных данных о его социальном статусе у «наивного лингвиста» нет.

В следующем примере иллюстрируется тот факт, что британское нормативное произношение может быть поводом для гордости и самого говорящего, и он не упустит возможности продемонстрировать его иностранцам, производя впечатление истинного англичанина:

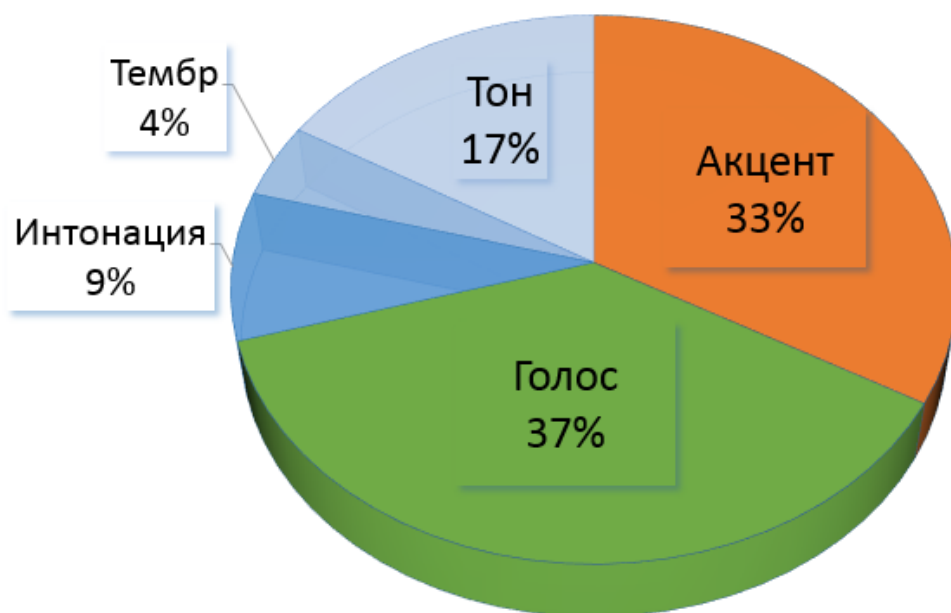
(17) *Only five feet seven tall, he spoke in a high pitched drawl, a public school accent he often emphasized abroad. Foreigners viewed him as the typical Englishman, a bit of a dandy.*

Герой имеет нормативное английское произношение, которым так славятся истинные образованные англичане, и потому за границей он часто как бы щеголяет им, демонстрируя, что является самым настоящим, типичным, в хорошем смысле этого слова, англичанином.

В результате рассмотрения примеров метаязыковых высказываний «наивных лингвистов» относительно уровневого описания речи (по Сепиру), можно заключить, что критерии оценки речевой деятельности в «наивной» и «научной» лингвистиках совпадают и исходят из размышлений человека над языком. На основе проведенного количественного анализа можно сказать, что бесспорным лидером по числу разнообразных характеристик оказывается голос (более двухсот примеров с различными оценочными эпитетами). Можно сделать предположение, что это связано с тем, что голос собеседника – первое, что после его внешности привлекает внимание «наивного лингвиста», это некая неотъемлемая, определяющая часть человека, на основе которой не-лингвист как слушатель может оценить собеседника, составить о нем какое-либо мнение.

Вторым наиболее часто выделяемым аспектом речи человека является акцент. В данной работе удалось найти более ста примеров как положительной, так и негативной оценки акцента собеседника. Вероятно, это происходит в результате того, что в английском языке, как ни в одном другом, акцент может рассказать о человеке очень многое — происхождение, социальное положение, образование — и тем самым помочь составить мнение о человеке, что очень важно для сдержанных англичан, которым несвойственно задавать лишние вопросы собеседнику. Кроме того, эти два аспекта – голос и произношение, являются в некотором смысле «врожденными» свойствами любой личности, и, возможно, именно привлекают наибольшее внимание «наивного лингвиста» и являются наиболее часто оцениваемыми.

**СТАТИСТИКА ЧАСТОТНОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ
ЛЕКСЕМ, ПРОАНАЛИЗИРОВАННЫХ НА ОСНОВЕ
УРОВНЕВОГО ОПИСАНИЯ РЕЧИ**

2.2. Социолингвистический аспект в описаниях «наивного лингвиста»

Начиная с работ Ф. Соссюра в лингвистике стали разрабатываться идеи, связанные с пониманием языка как структуры, языка, существующего вне человека. Однако, достигнув успехов в выявлении основных закономерностей устройства языка как системы знаков, структурная лингвистика столкнулась с невозможностью решить ряд проблем, связанных с тонкостями реального функционирования языка в процессе человеческого общения. Именно это заставило исследователей снова обратиться к человеку Говорящему в контексте психологии и социологии.

Что касается метаязыковых выражений «наивного лингвиста», то социолингвистические взгляды Дж. Гамперца, включающие в частности, теорию ролей, находят свое отражение в языковом сознании наивных носителей языка. Как показывает исследование фактического материала, существуют закрепленные в языке стереотипы речи представителей ряда профессий, различных родов деятельности, социальных рангов. «Наивный лингвист» в своих описаниях речевой деятельности окружающих его людей часто ссылается на эти стереотипы. Рассмотрим это на примерах:

(18) *'I keep getting these sweats at night,' she says. 'The sweats are a symptom of anxiety. We've been through that.' Mark sounds like a teacher to himself.*

В данном примере, со знанием дела отвечая на реплику девушки «мы это проходили» (We've been through that), герой сам замечает, что речь звучит подобно речи школьного учителя.

В следующем примере герой сознательно, целенаправленно примеряет на себя определенную социальную роль:

(19) *'...A bank account!' Gazzoer heard himself saying. He was using his' goon's' voice, the one he put on when he wanted to make himself sound like a harmless imbecile.*

Говорящий, желая обмануть собеседника, решает притвориться безобидным дурачком, для чего меняет свой голос, копирует речевое поведение уличной шпаны (using his' goon's' voice).

В нижеприводимом примере, в ситуации, когда один из собеседников просит денег у другого, «наивный лингвист» усматривает в речи коммуниканта сходство с продавцом:

- (20) *' You are asking me for money,' she said, shocked. — ' Yes. Or failing the gift of a sum in cash, I am asking you to make it a business transaction, to buy what you clearly must need and what we can no longer afford to keep. I am asking you to take up the privilege. I have asked no one else, I have given you the first opportunity of owning these things.' — ' Why, you sound like a salesman!'— 'Is it surprising? We can never know, any of us, to what level we may be reduced.'*

Герой так красноречиво расписывает своему собеседнику возможности, которые открыты перед ним в связи с покупкой определенных вещей, что слушатель сравнивает его речь с рекламными текстами продавца. Стереотип продавца, в свою очередь, подразумевает носителя особых речевых характеристик – умения красиво преподнести товар, описать его достоинства и заставить покупателя приобрести его. Следует отметить, что герой ничуть не смущен таким сравнением (*Is it surprising?*), и напротив, не понимает, почему собеседник удивляется его внезапному красноречию, ведь, как он отмечает, в жизни может случиться всякое.

В следующем примере можно увидеть, что герой, смеясь, сравнивает говорящего с монахом:

- (21) *Richard laughed: 'It makes Black Will sound like a monk! Anyway, brother, I shall send word to my lady Anne and you shall do as you like.'*

Вероятно, подобное сравнение основано на том, что говорящий произносил какие-то наставления, поучения или рассуждал на тему религии. А может быть, что социальная роль говорящего довольно далека от праведного или «законного» образа жизни (это предположение сделано на основе его прозвища — «Black» Will), и потому, когда Уилл сказал что-то хорошее, герой рассмеялся и сравнил его с монахом.

В примере (22) «наивный лингвист» сравнивает речь метрдотеля с речью учителя начальных классов:

- (22) *Amiss wondered vaguely why the head waiter should speak like a prep-school master of the 1950s. Gooseneck noticed his look of preoccupation. 'Pay attention, dear boy. Now here are the key instructions. You serve from the left, and you lose no opportunity to call the old bastards' sir'*

Основой для такого сравнения послужила речь опытного метрдотеля, который, будучи в более высоком положении по отношению к начинающим официантам, наставляет их, как правильно работать, что говорить, как подавать, — подобно тому, как учитель обучает маленьких детей каким-то элементарным вещам, азам.

Кроме того, иногда слушатель проводит аналогию между речью героя и какой-либо известной социальной ролью не только на основе того, что он говорит, но и того, как:

(23) *You know, the one where I retreat into a broad North Country accent which makes Su Pollard sound like a stockbroker.*

В данном примере, по мнению носителя английского языка, то, что в его произношении звучит как северный акцент, при произнесении другим человеком звучало бы подобно речи биржевого брокера. Вероятно, это сравнение сделано на основе сходства речевой модели брокера. Речь брокеров характерна тем, что они всегда торопятся, слишком быстро произносят или проглатывают слова или звуки, иногда даже кричат. Возможно, такая манера речи сходна с северным диалектом английского языка, для которого также характерна нечеткость произнесения, проглатывание окончаний, редукция гласных.

Однако, «наивный лингвист» может замечать не только речевые модели, свойственные определенным профессиям, но и узнавать в речи определенную социальную роль. Они могут быть знакомы лично с человеком, которые ее занимает, и потому знать манеру произношения, или только предполагать, как тот или иной человек мог бы говорить. Так, в следующем примере лингвист отмечает, что его собеседник говорит, как Иисус Христос.

(24) *Don't be so severe with me, Gildas, I'm under an awful strain, I think something terrible is going to be required of me." Now you sound like Christ. I daresay he said that to his disciples, only that bit was censored.*

Такое сравнение проводится, очевидно, потому, что говорящий использует довольно возвышенную лексику и фразы (under an awful strain,

something terrible is going to be required of me), тем самым преувеличивая свою важность и значимость, после чего слушатель сравнивает его с Иисусом Христом, отмечая, что именно так Он, возможно, и говорил со своими учениками.

Как уже упоминалось выше, герой может сравнивать речь собеседника с человеком, с чьей речевой моделью он хорошо знаком. В примере (25) «наивный лингвист» находит наставления собеседника похожими на наставления своего отца, и незамедлительно сообщает об этом говорящему:

(25) *PHIL: That is my point: you have cast aside the probability of future happiness on a whim. HARRY: You sound like my old Dad. PHIL: I do?*

Собеседник героя, в некотором смысле, читает ему нотацию о том, что, по его мнению, герой сделал не так. Тем самым собеседник как бы выполняет социальную роль отца, основная функция которого поучать и воспитывать.

Следует отметить, что в сознании «наивного лингвиста» существует не только мнение о том, как должна звучать речь человека, представителя той или иной профессии. Так же он может иметь представление о том, какая должна быть речевая модель такой социальной роли, как мать десятерых детей:

(26) *'All right, I won't move from this chair. You sound like a distracted mother of ten,' laughed Susan, and added a moment later: ' Poor Breeze, it's very hard on you, having all these burdens thrust on your shoulders. Only two months ago you were a schoolgirl, and now...!'*

Героиня, еще недавно бывшая школьницей, не имеет детей, однако за довольно короткий срок на нее свалилось столько трудностей, что ее речь вызывает у собеседницы ассоциации с рассеянной, непросто многодетной матерью, а матерью целых десятерых детей. (sound like a distracted mother of ten).

«Наивные лингвисты» могут ассоциировать воспринятую речь с речью животных.

(27) *'I mean, take my mail this week — please take my mail this week. I'm going to sound like an arrogant sort of a swine here but — publish and be panned!'*

Герой, метафорично сравнивает себя с высокомерной свиньей и говорит собеседнику нечто неприятное. Слова героя хлестки и жестоки, и, зная это, он заранее заявляет, что поведет себя по-свински. В данном примере реализуется некая устоявшаяся модель сравнения со свиньей, которую носители как русского, так и английского языков используют в ситуации, когда они либо хотят высказать собеседнику нечто нелицеприятное, грубое, либо когда выслушивают нечто подобное.

В следующем примере герой сравнивает манеру речи старых людей, которые никогда не были в море, с тем, как говорят пауки.

(28) *That's what's needed. I've met old men who never went to sea. They speak like spiders and don't know it. They have lost something and don't know what they have lost. Like all young men I must make a journey.*

Вопрос о том, издают ли пауки какие-либо звуки, еще ждет своего научного ответа. Но если допустить, что пауки издают некоторые звуки, то можно предположить, что это нечто тихое и неясное. Вероятно, что именно такое представление о «речи» пауков было в сознании «наивного лингвиста» и потому он сравнивает речь стариков, которые зачастую молчаливы или говорят тихо и нечетко, с речью именно этого насекомого.

Манера речи может рассказать о человеке многое. Так, в примере (29), оценивая свою собеседницу, героиня повествования обращает внимание не только на ее одежду, но и на ее манеру произнесения:

(29) *'And you don't look like a moron. Nor do you appear to be a casual vagrant. You speak like an educated woman.' The dark eyes were raking her from head to toe, appraising her — from the long, tousled russet hair to the bare feet protruding from beneath the hem of her wrap.*

Героиня замечает, что собеседница говорит, как образованная женщина (speak like an educated woman), и не похожа ни на сумасшедшую, ни на бродягу, несмотря на ее внешний вид (tousled hair, bare feet).

Также в примере (30) речевое поведение героини помогает мужчине понять, что она будет для него хорошей женой:

(30) *'I know you'd be a good wife for me. You speak like a lady, everyone says so, and your uncle at Weatherbury has a large farm, I've heard.'*

В своем суждении герой опирается на общепринятое мнение о том, что социальная роль хорошей жены должна исполняться девушкой, которая хорошо образована (и это так, ведь все говорят о том, что речь его избранницы соответствует речи леди) и иметь хорошее приданое.

Кроме социальных ролей, манера речи может так же быть характерной и для определенного социального слоя. Например, «наивный лингвист» может опознавать особенности, характерные для такого социального слоя, как буржуазия:

(31) *He always used to lecture people, tell them about the honesty of the artist, the necessity not to speak like a bourgeois.*

Герой данного примера любил поучать людей, рассказывать им о честности артистов и о том, что артистам не следует разговаривать так, словно они буржуа, которые выше всех остальных людей. Можно предположить, что герой предостерегал о том, что, к сожалению, очень часто встречается в жизни: становясь известными, например, актерами, люди очень часто сильно меняются – их характер портится, манеры становятся высокомерными, и они начинают считать себя выше других.

В следующем примере герой замечает, что высказывания собеседника о жизни за городом напоминают ему истинного фермера:

(32) *"We sold our London house a year ago. We never felt at home in London, somehow. We are both so happy here. It's nice to see things growing." I liked him. He was beginning to talk like a true countryman.*

Очевидно, что в сознании носителя языка существует некое устоявшееся представление о том, что большинство фермеров предпочитают городской суе жизни за городом, им нравится заниматься земледелием, выращивать что-либо. Потому, услышав слова своего собеседника о том, что Лондон никогда не был ему домом, и о том, что его собеседник счастлив променять дом в городе на жизнь в деревне, «наивный лингвист» замечает, что эти слова звучат как слова истинного земледельца.

Вообще, подвергаться анализу со стороны носителей наивного языкового сознания может не только манера речи, свойственная определенной социальной роли, но и определенной социальной группе — речь взрослых, детей, мужчин, женщин, носителей языка или иностранцев. В двух нижеприводимых примерах отмечаются две противоположные речевые характеристики: речь взрослого и речь ребенка.

(33) *A recent issue of American Cosmopolitan had an even more blatant example: an article (patronisingly titled 'Why not speak like a grown-up?') listed various things for women to avoid when speaking in work settings, including tag questions, rising intonation and high pitch, because these things undermine a speaker's perceived authority.*

В данном примере иллюстрируется часто встречающееся представление носителей языка о том, какой должна быть речь взрослого человека. Интересно, что советы о том, как сделать свою речь более «взрослой» даются в женском журнале. Вероятно, это объясняется тем, что некоторые женщины иногда ведут себя по-детски, пытаются имитировать детскую речь, используя свойственные ей приемы. Обычно, для детской манере речи характерны высокий тембр, восходящая интонация и так называемые вопросы «с хвостиком» (которые на русский язык можно перевести как «да ведь?»). Авторы журнальной статьи советуют женщинам при общении с коллегами избегать этих приемов, объясняя это тем, что они подрывают авторитет женщины в коллективе.

(34) *“Stop arguing with me. It's not nice to her, being rude. Ah! It's very rude. Don't talk like a baby, Kyle. Your go, Kyle. Your go. You don't have to talk like a baby! Kyle! Stop making that noise I don't like it!”*

В приводимом примере герой, очевидно, усматривает в речи и поведении собеседника некоторое сходство с детским, о чем и сообщает ему. Вероятно, собеседник капризничает, отказывается вести себя так, как того требует ситуация, это раздражает героя, и он делает замечание.

Пример (35) показывает нам, что существуют определенные нормы, отвечающие тому, как говорят настоящие носители языка:

(35) *He will also obviate the effects of early disappointments at not being able to «speak like a native» after several weeks of study.*

Именно этому и стремиться обучиться герой – говорить, как носитель, и пытается раньше времени не огорчаться тому факту, что ему не удастся достичь цели всего через несколько недель после обучения.

В заключение данного раздела можно сделать вывод о том, что именно стереотипы представителей различных профессий, родов деятельности, социальных слоев, существующие в языковом сознании «наивных лингвистов» показывают как «индивидуальное», так и типичное в речевой манере коммуникантов. Язык, следственно, в реальной жизни может члениться на множество подязыков, которые объединяют определенные группы людей и, что интересно, в сознании людей хранятся наборы этих специфических речевых особенностей, которые при необходимости легко реконструируются и используются в метаязыковых высказываниях. Наиболее частотным оказалось стереотипное представление о профессии, поскольку зачастую, у «наивного лингвиста» есть давно и прочно сложившееся мнение о том, какова речевая манера человека той или иной профессии, и потому она довольно быстро идентифицируется собеседниками в процессе общения. Менее часто речь говорящих сравнивается с речью человека определенной социальной роли (например, матери или отца). Зачастую, данный тип сравнения производится на основе личного опыта, и потому герои видят в собеседниках своих родных и близких людей.

2.3. Территориальный аспект в метаязыковых высказываниях

«наивных лингвистов»

Как уже упоминалось ранее, в рамках социолингвистики принято различать территориальные и социальные аспекты. И если в предыдущем разделе речь шла о социальном аспекте речи, то в данном разделе мы обратимся к высказываниям языковой личности с точки зрения диалектов.

Вообще, в этом плане английский язык по-своему уникален, поскольку общепринято на уровне наивной лингвистики в нем четко различаются, по крайней мере, два варианта или национальных диалекта — американский (American English) и британский (British English).

(36) He heard, as he lay gathering his thoughts together, a monotonous voice coming faintly from the kitchen. Then he heard, softer, more expressive, in American English, Reagan's tones.

В данном примере герой, слыша разговор двух собеседников, безошибочно определяет, что один из них говорит на американском варианте английского языка.

В нижеприводимом примере иллюстрируются лексические различия двух вариантов английского языка:

(37) Remember that what you think a word means is not necessarily what it meant for the writer. It may have had a different meaning in a different place (e.g. "cot" means a child's bed in British English, but also a bed for adults in Indian English).

Герой предостерегает собеседника о том, что в художественной литературе слова могут иметь разное значение для автора и читателя, и приводит пример со словом “cot”, которое в британском варианте имеет значение «детская кроватка, колыбель», в английском языке, на котором говорят в Индии, будет иметь значение «койка, кровать». Интересно отметить, что для американца слово “cot” будет означать «походную кровать, раскладушку», а для обозначения детской кроватки в американском варианте английского языка имеется отдельное слово – «crib».

Налицо некоторые лексические различия, в очередной раз подтверждающие мнение о том, что существует как минимум два варианта английского языка, и в ситуации коммуникации носителей двух разных вариантов языка могут возникнуть недопонимания, во избежание которых необходимо знать особенности обоих видов английского.

(38) *A course for those needing to live or work with Americans, and for students of British English who need to develop an understanding of American English.*

В данном примере носителям британского варианта предлагаются курсы, которые расширят их знания об особенностях американского английского и, тем самым, облегчат их вынужденную коммуникацию с американцами.

Что же касается диалектного варьирования языка в пределах одной страны, то оно поистине широко. Так, например, в примере (39) «наивный лингвист» пытается имитировать диалект, на котором говорят на востоке Англии, в графстве Линкольншир:

(39) *She really could hear Lincolnshire speech. Marvellous story about a hedgehog: «Th'otchin' at wasn't niver suited wi' nowt. Listen to this then. Fra fo'st off he was werrittin' an witterin' an sissin an spittin perpetiwel.» That's real history that is, words that are vanishing daily, fewer and fewer people learning them.*

Изображая речь жителей Линкольшира, «нелингвист» сожалеет, что ее характерные особенности постепенно утрачиваются, и все меньше людей может говорить и понимать этот диалект.

В следующем примере можно видеть, как девушка пытается выучить диалект, на котором говорит ее любимый:

(40) *«Yes, your mother, Martha, the robin, Ben, and you. » Then she asked him a question in Yorkshire dialect, because that was his language. «Does tha' like me? » was her question. «Of course! I likes thee wonderful!» replied Dickon, a big smile on his round face. Mary had never been so happy. <...> The next day Mary met Dickon as usual in the secret garden, and told him about Colin. Mary loved Dickon's Yorkshire dialect and was trying to learn it herself. She spoke a little now. «We mun get poor Colin out here in th' sunshine -- an' we munnot lose no time about it!» Dickon laughed. «Well done! I didn't know you could speak Yorkshire! You're right. We must bring Colin to the garden as soon as we can.»*

Общаясь с любимым, героиня пытается подстроиться и адаптироваться под его речь или его язык (that was his language) — интересно, что диалект в данном примере как бы приравнивается к совершенно другому языку. Девушка перенимает речевые особенности, свойственные Йоркширскому диалекту — имитирует произношение, использует вспомогательный глагол в третьем лице, хотя говорит с мужчиной на «ты» ('Does tha' like me?').

Вообще, диалектные особенности могут проявляться не только в пределах одной страны, но даже в пределах одного города или одного графства. Так, например, в Лондоне широко распространено просторечие кокни, на котором говорят представители низших социальных слоёв населения.

(41)Then he dropped the weight with a glow on his face and said,' I've got it. "What?' his wife asked. 'Arthur,' he said, pronouncing it 'Arfer' because he was a Cockney of the old generation.'Arfer Moe' - Alf a mo. We can work it into the act.'

Диалект героя выдает его происхождение, и по манере произношения «наивный лингвист» понимает, что перед ним представитель старого поколения кокни.

В примере (42) «наивный лингвист» отмечает диалектное варьирование в пределах одного графства Ланкашир:

(42)I refer to the 'appalled' Ishamel Davies' remarks about the accents of soap stars appearing in Coronation Street and Emmerdale. I was born and bred and grew up in Rossendale Valley and left at the age of 27. I don't know which Lancashire he lived in, but it was not my Lancashire. It is not a question of bad grammar, just dialect. Lancashire people do speak like Rita Fairclough².

Герой утверждает, что несмотря на то, что он и его собеседник оба родом из одного графства — Ланкашир, у них совершенно разное представление о том, как звучит диалект Ланкашира. Собеседник героя раскритиковал актрису, которая играла роль жительницы Ланкашира, в то время как «наивный лингвист» отмечает, что он, прожив в этом графстве

² Rita Fairclough – a character from the British soap opera, Coronation Street.

двадцать семь лет, может смело утверждать, что жители Ланкашира разговаривают именно так, как это и изобразила актриса в роли Риты Фэйркло.

Иногда случается так, что люди меняют место жительства, и на уже имеющиеся речевые особенности накладываются новые:

(43)She had moved down to London and lived in squats. It had sounded commonplace enough but he hadn't quite believed it and nor, he suspected, did she care whether or not he did. Her accent was more Cockney than Geordie.

Героиня жила на севере, однако с переездом в Лондон ее речь стала меняться и, несмотря на то, что теперь она говорила скорее, как кокни, в ее речи все еще можно было наблюдать общие признаки, характерные для обоих диалектов. Получается, что степень отличия диалектов друг от друга зависит от того, насколько дальше территориально находятся друг от друга носители этих говоров.

В связи с таким большим разнообразием диалектов и их довольно большим отличием друг от друга, в процессе коммуникации могут возникать некоторые проблемы.

(44)He's my friend, he is,' said the old man.' There aren't any other robins in the garden, so he's a bit lonely.' He spoke in strong Yorkshire dialect, so Mary had to listen carefully to understand him.

Так, в данном примере, чтобы понять, героине приходится внимательно вслушиваться в речь собеседника, который говорит на йоркширском диалекте.

Однако, иногда, трудности понимания могут достигать своего пика и коммуниканты просто не могут понять друг друга — иллюстрацией этого могут послужить несколько следующих примеров.

(45)The Lancashire dialect seemed like a foreign language to me although the people were kind.

В примере (45) герой называет Ланкаширский диалект другим языком, тем самым признавая свою невозможность понять его. В примере (46)

слушатель так же отмечает, что никто не мог поговорить с ним не иначе чем на диалекте, который был непонятен ни ему, ни его товарищам.

(46)*They'd see us coming hours before we got up there on foot, the girl would have been spirited away before we got anywhere near her and nobody would speak to us except in their incomprehensible dialect.*

Зачастую проблемы в коммуникации появляются, когда «наивный лингвист» попадает из привычной языковой среды в новую, неизученную. В первое время общение дается особенно сложно:

(47)*It was my first taste of big-time athletics, and my first visit to Gateshead. It was the furthest north I had ever travelled and the first thing that struck me was the strangeness of the dialect. I had never heard anything like the Geordie accent before, and in the beginning it was unintelligible to me.*

В примере (47) герой отмечает, что во время первого визита в Гейтсхед, первое что его поразило – это непривычность диалекта, поскольку он был на севере страны впервые и никогда не слышал ни самого северного диалекта, ни ему подобного. И потому он признает, что на первых порах он не мог разобрать ни слова из этого диалекта.

Интересен пример (48), в котором иллюстрируется проблема незнания местных диалектов и названий местности:

(48)*Members of Cheshire's police committee who fear that, the receptionists may not understand local accents and place names raised the issue. Moreton councillor Ken Hemsley said: 'I am just concerned that people answering 999 calls may not understand a local dialect and they may be talking about a place which the person they are speaking to will never have heard of.'*

У местной полиции вызывает опасения проблема возможного недопонимания между теми, кто отвечает на звонки в службе экстренной помощи и теми, кто звонит, поскольку звонящие люди могут говорить на диалекте, который человек, отвечающий на звонок, не понимает.

Однако еще одна проблема кроется в том, что иногда носители говоров могут даже не осознавать, насколько сильно их диалектное произношение отличается от нормативного:

(49)*Is there a way of talking in your natural dialect that they can understand you and yet without losing it? - I don't really think there is. I know some folk won't change for*

anybody. They just go harping on in their dialect and... well this fellow said some visitors just don't understand him - I always find myself translating in a situation like that. They can't even pick up just the words that are English words only pronounced in the Orcadian way.

В данном примере «наивный лингвист» отмечает, что порой диалект настолько прочно укореняется в сознании носителей, что они даже не в силах отличить, является ли это слово общеанглийским, но произнесенным на оркнейский манер, или же это слово принадлежит данному диалекту. Кроме того, герой признается, что зная как нормативный английский язык, так и его диалект и находясь в ситуации непонимания, ему нередко приходилось быть переводчиком для двух коммуникантов, говорящих на разных диалектах.

Как уже упоминалось выше, речь может рассказать о человеке не только о его происхождении, но и о его образовании, социальном статусе. В обществе существует мнение, что люди, говорящие на диалекте, не отличаются особым образованием и культурой. И если взрослый человек, возможно, сделает выводы молча, то дети или молодежь не упустят возможности высказать свое мнение:

(50) Did you find at school that your dialect was hammered? — Yes. When I was young, you know you didn't have to use dialect at all. We got leave to use it in the playground as far as I can imagine but we made an awful division or if we didn't it pretty quickly in the class.

Так, герой признает, что когда он был маленьким, использование диалекта в школе не приветствовалось. И хотя на игровой площадке говорить на диалекте разрешалось, то все равно существовало четкое разделение на тех, кто использует диалектную речь, и тех, кто нет.

Подводя итог данного раздела, можно отметить, что в наивной лингвистике различаются по меньшей мере два национальных диалекта – британский и американский, а также наблюдается диалектное варьирование как в рамках одного графства, так и в рамках одного города. Кроме того, существует ряд проблем, связанных с обширностью диалектов. В качестве основной трудности можно выделить абсолютное непонимание коммуникантов, поскольку степень отличия диалектов или говоров друг от

друга зависит от территориальной удалённости диалектных районов друг от друга. Нередко в речи жителей смежных или пограничных районов можно наблюдать общие признаки, характерные для обоих диалектов. В результате анализа ряда примеров было выявлено неоднозначное отношение к диалектной речи.

Выводы по главе II

Результатом рассмотрения примеров метаязыковых высказываний «наивных лингвистов» относительно уровневого описания речи (по Сепиру) можно считать вывод о том, что параметры оценки речи совпадают в «наивной» и «научной» лингвистиках и являются результатом размышлений человека над языком. Количественный анализ показал, что наибольшее число разнообразных характеристик получил голос (более двухсот примеров с различными оценочными эпитетами). Вероятно, это связано с тем, что голос собеседника – первое, что после его внешности привлекает внимание «наивного лингвиста». Вторым наиболее часто оцениваемым аспектом речи человека является акцент. В ходе работы было найдено более ста примеров как положительной, так и негативной оценки акцента собеседника. Можно предположить, что это происходит в результате того, что в английском языке по акценту человека можно понять довольно многое — происхождение, социальное положение,

Говоря о социальном аспекте, следует отметить, что в языковом сознании «наивных лингвистов» существуют определенные стереотипы о речи представителей различных профессий, родов деятельности, социальных слоев. Подобные наборы специфических речевых особенностей, объединяющие определенные группы людей, при необходимости легко реконструируются, отождествляются и используются в метаязыковых высказываниях.

В «наивной» лингвистике существуют по меньшей мере два национальных диалекта – британский и американский, а также отмечается широкое диалектное варьирование, как в рамках одного графства, так и в рамках одного города. Полное непонимание коммуникантов, владеющих диалектами, которые расположены далеко друг от друга, составляет одну из главных проблем коммуникации.

Заключение

В ходе работы был изучен и освещен теоретический материал, посвященный основным понятиям, используемым в работе, и научным проблемам, связанным с ними, а также помимо сугубо лингвистической тематики рассматривается явление «языкового сознания», которое может представлять определенный интерес философского и культурологического характера.

Предпринятое исследование показало, что Говорящий – автор текста, актуализируется посредством речевых актов, в которых он предстает в качестве субъекта речи, субъекта сознания, субъекта эмоционального состояния. На основании того, как говорит человек, а также того, что он говорит, можно составить представление о текущем содержании его сознания, об эмоциональных и психологических особенностях его личности.

Человек Говорящий, будучи центральной прагматической категорией современного языкознания, является носителем языкового сознания, дающего ему способность размышлять над адекватностью претворения мысли в речи. Именно эта способность Говорящего к рефлексии над языком и речевой деятельностью не только в научном контексте, но и в обыденной речи дала возможность говорить о своеобразном метаязыке обыденной речи, которым пользуется наивный носитель языка ("наивный лингвист") для описания речевой деятельности.

Метаязык "наивного лингвиста" представляет собой, как показали проведенные исследования, организованную структуру метаязыковых высказываний, которая укладывается в рамки понятийного аппарата общелингвистического плана. Метаязык, используемый Говорящим для описания речевой деятельности, по сути своей консубстанционален естественному языку, ибо складывается на основе тех же языковых средств, что и язык-объект (человеческий язык).

Проведенные на материале высказываний о языке практические исследования показали, что, будучи языковой личностью, осознающей себя и

свое место в речевой деятельности, «наивный лингвист» достаточно хорошо ориентируется в языке и активно описывает свою речь и речь окружающих, даже несмотря на отсутствие профессиональных знаний о языке.

Анализ языкового материала показал, что параметры уровневой оценки речи в «наивной» и «научной» лингвистиках одинаковы, и наиболее оцениваемыми аспектами речи являются голос и акцент. Акцент представляется особенно релевантным, поскольку в нем отражается вся иерархия общества по национальному, региональному и социальному признаку.

Что касается социального аспекта в речи, то здесь было выявлено существование определенных представлений, связанных с речью представителей различных профессий. Подобные наборы речевых особенностей с легкостью реконструируются в сознании носителей языка и, при необходимости, воспроизводятся в метаязыковых высказываниях.

Кроме того, в ходе анализа языкового материала было выявлено, что носитель языка — «наивный лингвист» различает по меньшей мере два национальных диалекта – британский и американский. Кроме того, он имеет представление о множестве диалектов, которое может варьироваться не только в пределах одной страны, но и в пределах одного графства или даже одного города. Одной из главных коммуникативных проблем, связанных с диалектами можно считать полное непонимание собеседников, поскольку диалекты имеют тенденцию различаться настолько, насколько удалены друг от друга области их употребления.

Необходимо отметить, что объем данной выпускной квалификационной работы не позволил раскрыть некоторые вопросы, представляющие интерес для лингвистического исследования. Таковым может являться, например, вопрос о языковых средствах, с помощью которых ведется метаязыковое описание языка, и их стилистические особенности.

Список использованной литературы.

1. Арутюнова Н.Д. Наивные размышления о наивной картине языка: Язык о языке: /Под ред. Н.Д. Арутюновой. М., 2000. С.7-19
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966.
4. Барляева Е. А. Средства актуализации автора научного текста: (На материале англ. яз.): диссертация кандидата филологических наук: 10.02.04 / Гос. ун-т.- Санкт-Петербург, 1993. 289 с.
5. Бродович О.И. Диалектная вариативность английского языка: аспекты теории. ЛГУ, 1988. 193с.
6. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М.: Прогресс, 1993. 502 с.
7. Варшавская А. И. Семантика агентивности и антропоцентричность английского предложения. Сб. ст. / Отв. ред. В. В. Бурлакова. СПб: Изд-во СПбГУ, 1992. 183 с
8. Вахек Й. Лингвистический словарь Пражской школы / Й. Вахек (при участии Й. Дубского); под ред. и с предисл. А.А. Реформатского; пер. с фр., нем., англ. и чеш.: И.А. Мельчука, В.З. Санникова. М.: Прогресс, 1964. 350с.
9. Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. 616 с.
10. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. Избранные философские работы. Ч. 1. М., 1994
11. Гамперц Дж. Типы языковых обществ. Новое в лингвистике. Вып. VII. Социолингвистика. М., 1975. С. 182-198
12. Гвишиани Н.Б. Язык научного общения: вопросы методологии. Высшая школа, 2008. 279 с.

13. Гринбаум С., Уиткат Дж. Guide to english usage/Словарь трудностей английского языка. М. Longman/Русский язык 1990г. 786с.
14. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 452 с.
15. Едличка А. О пражской теории литературного языка. перевод с нем. Н. Н. Семенюк. М.: «Прогресс», 1967. 542 с.
16. Емельянова О.В. Успешная коммуникация и частичные информативы // Вестн. С.-Петербур. ун-та. Сер.2. 1995. Вып. 2. С. 105-108
17. Есперсен Отто. Философия грамматики. (The Philosophy of Grammar by Otto Jespersen), перевод с англ., М. 1958. 400с
18. Жирмунский М.В. Национальный язык и социальные диалекты. Л., Гослитиздат. 1936. 297 с.
19. Звегинцев В.А. Мысли о лингвистике. Издательство МГУ, 1996. 335с.
20. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2014. 264с.
21. Караулов Ю.Н., Красильникова Е.В. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М., 1989. С. 3–11
22. Кобозева И.М. "Теория речевых актов" как один из вариантов теории речевой деятельности. Сборник статей / Под ред. Е.Ф. Тарасова (отв. редактор), Н.В. Уфимцевой, Е.А. Аршавской: М.: Прогресс, 1986. – 424 с.
23. Кобозева И.М. «Смысл» и «значение» в наивной семиотике. // Логический анализ языка: культурные концепты. М.: Наука, 1991, с. 183—186.
24. Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте. /Новое в лингвистике. Выпуск VII. – М.: Прогресс, 1975. 485с.
25. Лебедева Н.Б. О метаязыковом сознании юристов и предмете юрислингвистики (к постановке проблемы). Журнал: «юрислингвистика» Изд.: Алтайский государственный университет, Барнаул. 2009. 50-64с.
26. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969. 214 с.

- 27.Налимов В.В. Вероятностная модель языка, рассматривающая семантику обыденного языка. М.: Наука, 1979. 303с.
- 28.Остин Джон. Избранное. Перевод с англ. Макеевой Л. Б., Руднева В. П. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. 332 с. С. 13-135.
- 29.Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1968. 376с.
- 30.Портнов А. Н., Шишкина Г. М. Уровни сознания и их семиотические механизмы // Проблема сознания в отечественной и зарубежной философии XX века. Материалы межрегиональной научной конференции. Иваново: ИвГУ, 1994. С. 123–127.
- 31.Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 656 с.
32. Сусов И.П. Лингвистическая прагматика. Учебник для студентов, магистрантов и аспирантов (докторантов). М.: Восток-Запад, 2006. 200 с.
- 33.Сусов И.П. Личность как субъект языкового общения // Личностные аспекты языкового общения. Калинин, 1989. с. 9-16
- 34.Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку. //Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960. с.135-168.
- 35.Хаймс Д. Этнография речи // Новое в лингвистике: Социолингвистика. Вып. 7. М.: Прогресс, 1975. с 42–95.
- 36.Хомякова Е.Г. Семантико-коммуникативные аспекты типов ситуации // Трехаспектность грамматики на материале английского языка / Отв. ред. В.В. Бурлакова. СПб, 1992.
- 37.Шахбагова Д. А. Фонетические особенности произносительных вариантов английского языка. М.: Высшая школа, 1982. 127с.
- 38.Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: "за" и "против". М.: Прогресс, 1975. с.193–230.
- 39.Abercrombie David. Studies in phonetics and linguistics. Oxford University Press, 1971. 151p.

40. Burchfield R. W. *The English Language*. Oxford University Press 1991. 208p.
41. Gimson A.C. *The phonetic description of voice quality*. Cambridge: Cambridge University Press. 1991
42. Grice P. Grice's Conversational Maxims. "Logic and conversation." In Cole, P., and J.L. Morgan, eds. *Speech Acts*. New York: Academic Press 1975
43. Gumperz John *Communicative Competence*. In: Coupland and Jaworski (eds.), *Sociolinguistics: A Reader*. New York: St Martin's Press, 1997. 39-48 p.
44. Gumperz John *Interethnic Communication*. In: Coupland and Jaworski (eds.), *Sociolinguistics: A Reader*. New York: St Martin's Press, 1997. p. 395–407.
45. Hoenigswald H.M. *A proposal for the study of folk linguistics // Sociolinguistics: Proc. of the UCLA socioling. conf., 1964*. The Hague; P., 1966.
46. Hymes D.H. *The ethnography of speaking*. The Hague. Paris, 1968. p. 300-353.
47. Labov W. *The Social Stratification of English in New York City*. Cambridge University press. 1966. p. 655